

УДК 81'36
DOI 10.17223/18137083/76/15

**О роли антропоцентрического фактора
в реализации деривационного потенциала
наименований копытных животных
как мотивирующих лексем**

Н. Д. Голев, И. П. Фаломкина

*Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия*

Аннотация

Статья посвящена описанию словообразовательной системы русского языка со стороны его лексики. Рассматриваются лексические факторы, которые влияют на формирование потенциала лексических единиц как мотивирующих единиц словообразовательных процессов и отношений и на реализацию этого потенциала в речевой деятельности. В ряду лексических факторов главный интерес для авторов статьи вызывают антропоцентрические детерминанты, большинство из которых увязывают лексическую систему и через ее опосредование также и словообразовательную систему с картиной мира носителей русского языка.

Ключевые слова

деривационный потенциал, производное слово, речевое функционирование слова, антропоцентрический подход, поисковые системы Интернета

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-412-420004 р_а

Для цитирования

Голев Н. Д., Фаломкина И. П. О роли антропоцентрического фактора в реализации деривационного потенциала наименований копытных животных как мотивирующих лексем // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 191–210. DOI 10.17223/18137083/76/15

**On the role of the anthropocentric factor
in the realization of the derivational potential
of names of ungulates as motivating lexical units**

N. D. Golev, I. P. Falomkina

*Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation*

Abstract

The paper is dedicated to describing the word-building system of the Russian language in terms of its vocabulary. Lexical factors are discussed influencing the formation of lexical

© Н. Д. Голев, И. П. Фаломкина, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 3
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 3

units' potential as motivating units of word-building processes and relations and the realization of this potential in language activities. Of most interest for the authors are anthropocentric determinants, most of which are coordinating the lexical system and, through its mediation, the word-building system with the worldview of native speakers of the Russian language. The proposed model of derivational development of vocabulary provides such coordination through studying the deep-seated process of conceptualization of the words that are the potential motivators of neologisms. This study identifies the word frequency as an external manifestation of conceptualization. The frequency data were obtained from Google search system statistical data. Capturing not only usual but also occasional and potential words, this source is an effective tool for studying word-building processes and their results. This study has unveiled the interrelation between the language worldview of native speakers of Russian and their "word-building behavior" in language activities. The worldview has been found, first of all, to be determined by the pragmatic factor, which primarily influences the usage of a word in the speech reflected by its frequency. The frequency ranks lexical units due to their derivational potential and thereby provides a researcher with a reliable instrument for its study.

Keywords

derivational potential, derivative word, speech functioning of words, anthropocentric approach, Internet search systems

Acknowledgments

The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project no. 20-412-420004 r_a

For citation

Golev N. D., Falomkina I. P. On the role of the anthropocentric factor in the realization of the derivational potential of names of ungulates as motivating lexical units. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 3, pp. 191–210. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/76/15

1. Исходные положения

Предметом исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, выступает словообразовательная система русского языка, которая, обслуживая лексику грамматическими способами и средствами, занимает неоднозначное место в его структуре между лексикой и грамматикой. В статье акцент делается на лексических основаниях словообразовательной системы, что, по нашему мнению, является актуальным для современной русистики. Лексикоцентрическая модель русского словообразования в отечественном языкознании разработана недостаточно глубоко и полно.

Находясь в сфере взаимодействия лексики и грамматики, словообразование неизбежно испытывает влияние того и другого, вследствие чего феномен словообразования неоднозначен и противоречив. Полагаем, что этот тезис прямо коррелирует с известным положением Ф. де Соссюра: «Это как бы два полюса, между которыми движется вся языковая система, два встречных течения, по которым направляется движение языка: с одной стороны, склонность к употреблению лексических средств – немотивированных знаков, с другой стороны – предпочтение, оказываемое грамматическим средствам, а именно – правилам конструирования» [Соссюр, 1977, с. 165–166]. Противоречивость словообразования в этом плане подчеркивает актуализированное в цитате понятие «немотивированные знаки»: свойством немотивированности Ф. де Соссюр наделил лексику, тогда как синхронное словообразование традиционно связывается с мотивированными словами. Так, авторы «Русской грамматики» уже в первой фразе главы «Словообразование» обозначают данную позицию: «Объектом изучения словообразования явля-

ются словообразовательно мотивированные слова, т. е. слова, значение и звучание которых обусловлены другими однокоренными словами» [Русская грамматика, 1980, с. 133]. Таким образом, «Русская грамматика» включает словообразование в область конструирования. На наш взгляд, такое противоречие отчасти мнимое. Словообразование обслуживает лексику, заполняя соответствующие семантико-синтаксические позиции в речи путем конструирования лексических единиц из морфем (и не только) по определенным моделям и тем самым подготавливает заполнение лакун в лексическом составе языка. Эти единицы относительно быстро переходят из разряда производимых единиц в разряд единиц воспроизводимых, из мотивированных – в немотивированные; их немотивированность сначала предстает как функциональное опрощение, а потом и как опрощение структурное. В гносеологическом плане неоднозначные свойства словообразования и неоднозначность его места в структуре языка находит отражение в том обстоятельстве, что раздел словообразования относят к разным разделам науки о языке, что отметил А. И. Моисеев в учебном пособии «Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке» [1987, с. 5–6]. Сам автор интересно и обоснованно трактует словообразование как одну из сторон лексики, а изучение словообразования – как аспект изучения слова.

Однако основная тенденция развития словообразования связана со сближением его с грамматикой. Несомненно, эту тенденцию определил В. В. Виноградов. В учебнике 1952 г. описание словообразовательной системы является одним из аспектов (хотя и не главных, но важных) описания частей речи [СРЯз, 1952]. После «словообразовательного бума» 1960–1970-х гг. словообразование обрело статус самостоятельной научной дисциплины: в публикациях академической «Русской грамматики» и различных вузовских учебниках раздел «Словообразование» выделяется автономно, но трактуется как часть «грамматического учения о слове». Лексический аспект представляет перспективное словообразование, описание словообразования «от мотивирующего слова», которое также трактуется как носитель частеречного значения и формы и как потенциал для реализации словообразовательного развития слова [Зенков, 1969, Яценецкая, 1979]. Лишь в отдельных случаях разряды мотивирующих слов конкретизируются до лексико-грамматических и до тематических группировок: например, для названий видов мяса указывается мотивирующая роль названий животных.

В нашей работе осуществляется более глубокое погружение в содержание мотивирующего слова, его конкретизация идет не только по линии тематической (мотивирующий класс названий копытных животных), но и по линии функционально-семантической. Мы описываем классы мотивирующих слов с позиции их частотности, типа концептуализации, степени знакомства носителя русского языка с видом животных и со словами, их обозначающими. Именно эти факторы представляются нам ведущими в функционировании словообразовательной системы, они прямо влияют на формирование мотивирующего потенциала слова как единицы языковой системы и на его реализацию в речи.

В книге «Динамический аспект лексической мотивации» мы, перечисляя факторы усиления потенциала мотивирующего наименования, называем частотность его употребления [Голев, 1989]. Но частотность – это производная величина, которая зависит от антропологических параметров слова, в том числе от его вписанности в картину мира. Ведущей тенденцией в современной лингвистике становится антропоцентрический подход к анализу языковых явлений, декларирующий единство языка с его носителем. Т. Б. Радбиль полагает, что «антропоцентризм

пронизывает все уровни организации языковой системы и ее реализации в речи», но ярко антропоцентризм проявляет себя в лексике, отражающей связь человеческого опыта и внеязыковой действительности [Радбиль, 2016, с. 99]. Исследователь пишет: «Не менее разнообразно представлен антропоцентризм и в грамматике естественного языка. Это не удивительно, поскольку в антропоцентрической модели языка вообще отсутствует жесткое противопоставление лексического и грамматического способов языкового представления содержания внеязыковой действительности» [Там же, с. 103]. Грамматическая система отражает опыт осмысления человеком окружающего мира. Словообразование «позволяет понять, какие элементы внеязыковой действительности и как словообразовательно маркируются, почему они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного предмета действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [Вендина, 1998, с. 9]. В рамках антропоцентрического направления дериватологии [Араева, 2009; Ильина, Сабурова, 2018; Осадчий, 2009; Проскурина, 2012] лексическая реализация словообразовательных единиц соотносится с национальной картиной мира: «Открывая возможности для концептуальной интерпретации действительности, словообразовательный уровень языка воплощает в своих единицах (как в простых, так и в комплексных) способы, с помощью которых перерабатывает, хранит и транслирует культурно значимую информацию» [Проскурина, 2012, с. 100].

Цель работы – установить корреляцию между антропологическими характеристиками мотивирующего слова, определяющими его количественный коэффициент (термин Н. Д. Голева) и деривационным потенциалом. Мы полагаем, что мотивирующие наименования копытных животных с высоким количественным коэффициентом, который определяется культурной значимостью реалии, стоящей за словом, служат базой для частотных дериватов, заполняющих максимально возможное число мест в словообразовательной парадигме.

Методическая новизна нашего исследования заключается в том, что для системного описания потенциала словообразовательных типов мы предлагаем использовать такой инструмент, как поисковые системы Интернета. Обращение к системе Google позволяет нам определять количественный коэффициент мотивирующего слова, т. е. частотность его упоминаний в сети. Являясь речевой характеристикой слова, коэффициент, с одной стороны, объективно отражает системные свойства словообразовательного типа, в частности дает возможность оценить такие его характеристики, как продуктивность и регулярность; с другой стороны, указывает на культурную значимость мотивирующего наименования. Анализ контекстов, найденных в Интернете, позволяет определить зависимость акта словообразования от особенностей дискурса и оценить степень осознанности креативного посыла носителя языка при использовании неузуальных производных.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1) установление частотности употребления мотивирующих существительных и образованных от них производных названий самок и детенышей (в том числе не зафиксированных в словарях русского языка, но функционирующих в речи, что подтверждается данными поисковой системы Google);

2) анализ контекстов употребления мотивирующих существительных и дериватов со значением женскости и незрелости, что позволяет оценить зависимость акта словообразования от особенностей дискурса;

3) определение антропоцентрических факторов, влияющих на частотность употребления мотивирующих и мотивированных слов в речи, и установление корреляции между количественным коэффициентом и деривационным потенциалом мотивирующего слова.

2. Методы и материал исследования. Краткий обзор изучения темы в российской лингвистике

Материалом изучения являются наименования копытных млекопитающих и образованные от них в рамках модификационных словообразовательных типов производные со значением женскости и невзрослости.

Из «Большого толкового словаря русских существительных» [БТСРС, 2005] методом сплошной выборки были извлечены производные наименования копытных животных. Образованные от наименований копытных животных названия детенышей и самок с формантами *-их(а)*, *-иц(а)*, *-ух(а)*, *-онок / -чонок*, *-оныш (-ёныш)* были извлечены из словарей русского языка, а также найдены с помощью поисковой системы Google.

В статье применяются следующие **методы исследования**: описательный метод при первичном отборе и классификации материала, метод сплошной выборки, метод количественного анализа, который позволяет увидеть объективную картину функционирования словообразовательных типов с суффиксами женскости и невзрослости, метод моделирования дериватов для дальнейшей оценки частотности их употребления.

Деривационный потенциал зоонимов не часто становился предметом внимания лингвистов. Отметим диссертационное исследование Гэн Юаньюаня [2018], в котором автор трактует словообразовательный потенциал наименований животных как совокупность всех производных слов одной лексико-семантической группы. При таком подходе деривационный потенциал слова сводится к его конкретной парадигме, а не к набору словообразующих возможностей, который присущ определенному классу слов [Васильева, 2017, с. 25]. Исследователь характеризует потенциал значительной группы зоонимов как нулевой: зоонимы не имеют узуальных дериватов и образуют нулевые словообразовательные гнезда. К этой группе автор относит, в частности, такие названия животных, как *косуля*, *лама*, *пони*, *тапир*. Такое понимание деривационного потенциала не предполагает выявления словообразовательных лакун, так как «типовая парадигма оказывается равной конкретной, что делает бессмысленным их сопоставление» [Там же, с. 28].

Для того чтобы определить словообразовательный потенциал лексико-семантической группы, необходимо подняться над конкретными словообразовательными парадигмами, что делает Ли Ли, анализируя бестиарий русского языка с точки зрения заполнения лакун в обозначении самок и детенышей. Ученый вводит понятие полной, неполной и незаполненной «базовой парадигмы» [Ли Ли, 2020, с. 93–95]. Объектом исследования становятся не только освоенные языком названия самок и детенышей, но и неологизмы (по определению автора работы, это производные, зафиксированные в новейших словарях, а также в Викисловаре) и неодериваты (названия детенышей и самок, функционирующие в неформальной интернет-коммуникации).

В ряду наименований копытных животных по данным словарей и источников [БТСРЯз, 2001; Ефремова, 2000; 2006; Зализняк, 1980; РОС, 1999; Тихонов, 1990; Ульянова, 2013] мы насчитали 10 полных парадигм, включающих мотивирующее

слово и кодифицированные производные наименования самок и детенышей: *тур – турица – турёнок, олень – оленуха / олениха – оленёнок, лось – лосиха – лосёнок, осёл – ослица – ослёнок, зубр – зубриха – зубрица – зубрёнок, кабан – кабаниха – кабанёнок, верблюд – верблюдица – верблюжонок, мул – мулиха – мулёнок, изюбр – изюбриха / изюбрица – изюбрёнок, буйвол – буйволица – буйволёнок.*

Неполные парадигмы включают название взрослого животного мужского или женского рода и название детеныша (*як – ячонок, косуля – косулёнок, жираф – жирафёнок* и т. д.).

Мы считаем, что для обнаружения потенциальных пустот, которые в дальнейшем могут элиминироваться, требуется анализ не только данных словарей, но интернет-коммуникации. От непроизводных наименований копытных животных мы образовали «типовые» дериваты, которые способны потенциально появиться в языке. «Потенциальные» дериваты могут при определенных условиях быть реализованными в конкретных словообразовательных парадигмах, а могут оставаться в статусе «виртуальных». Мы отметили тенденцию к заполнению клеточек неполных парадигм производными, образованными с помощью суффиксов женскости и невзрослости. Эти наименования не зафиксированы в словарях, но используются носителями языка, в том числе встречаются в официальных СМИ:

«Настоящий brutальный мачо, этакий маленький зубрик. Надеемся, что наша тувинская *ячиха* Бьянка после продолжительной одинокой жизни сможет обрести в паре с ним свое семейное счастье», – написала в соцсети Н. Денисова ¹.

Бизонёнка продадут или обменяют на другое животное, в зависимости от того, кого не хватает в Харьковском зоопарке ².

Незаполненные парадигмы, включающие только наименования взрослого животного, также заполняются не зафиксированными в словарях производными названиями самок и детенышей. Так, мы можем говорить о формировании полных парадигм *тапир – тапириха – тапирёнок, джейран – джейраниха – джейранёнок, пони – поница – понёнок, овцебык – овцебычиха – овцебычонок* и др.

Из 51 проанализированных нами наименований копытных животных только одно, если учитывать данные поисковых систем Интернета, не способно стать мотивирующей базой для образования наименований детенышей или самок – *коза*. Слово уже называет самку, а название детеныша мотивируется производным *козёл*. Исследователями донских казачьих говоров зафиксирован дериват *козенёнок*, образованный от мотивирующего *коза* с помощью непродуктивного в литературном языке суффикса *-енёнок* [Кудряшова, Брысина, 2015, с. 47–49]. С помощью поисковой системы Google мы не нашли ни одного примера употребления этой лексемы.

3. Результаты исследования

В таблице (см. далее) представлена статистика мотивирующих имен существительных в порядке убывания их частотности. Курсивом выделены производные, зафиксированные в словарях русского языка. Если наряду с именем нарицательным функционирует имя собственное, что обуславливает квантитативный всплеск, мы отмечаем это в таблице.

¹ <https://komiinform.ru/news/200165>

² https://www.mediaport.ua/news/city/64587/v_harkovskom_zooparke_rodilsya_bizonenok

Частотность употребления мотивирующих и производных слов
 Frequency of use of motivational and derived words

Наименование животного	Частотность употребления производных				
	-их(а)	-иц(а)	-ух(а)	-онок (-ёнок) / -чонок	-оныш / -ёныш
як 192 000 000 «як животное» 610 000	ячиха 625			ячёнок, <i>ячонок</i> 1 850 (1 610)	
тур 111 000 000 «тур животное» 1 490 000	туриха, Туриха 5 920	<i>турица</i> 67 800		<i>турёнок</i> 26 000	
пони 20800000	пониха 439			понёнок 2 660	понёныш 3
газель 22 400 000	газелиха 9			газелёнок 1 960	газелёныш 1 860
лошадь 19 500 000				лошадёнок 13 200 <i>лошонок</i> 6 000	
баран 18 200 000	бараниха, Бараниха 62 000		барануха 2 980	баранёнок, Баранёнок 2 830	
конь 15 700 000	кониха, Кониха 2 840			конёнок, Конёнок 4 550	

Продолжение таблицы

Наименование животного	Частотность употребления производных				
	-их(а)	-иц(а)	-ух(а)	-онок (-ёнок) / -чонок	-оныш / -ёныш
корова 13 200 000				коровёнок 13 800	
олень 12 800 000	<i>олениха</i> 138 000	оленица, Оленица 20 300	<i>оленуха</i> 14 100	<i>оленёнок</i> 1 120 000	оленьныш 496
зебра 11 800 000	зебриха 91	зебрица 518	зебруха 1 170 «псевдоним»	зебрёнок 27 300	зебрёныш 1 930
лось 11 700 000	<i>лосиха</i> 160 000	<i>лосица</i> 4 880		<i>лосёнок</i> 215 000	лосёныш 1 170
свинья 10 600 000	свиниха, Свиниха 182			<i>свинёнок</i> 45 500	свинёныш 12 700
осёл 9 840 000	<i>ослиха</i> 17 100	<i>ослица</i> 271 000		<i>ослёнок</i> 88 500	ослёныш 226
козерог 9 310 000	козерожиха 1 100	козерожица 537			
зубр 9 100 000	<i>зубриха</i> 5 000	<i>зубрица</i> 26 400		<i>зубрёнок</i> 615 000	зубрёныш 3 300
коза 7 870 000			<i>козлуха, Козлуха</i> 18 000		
бык 7 160 000		бычица 814		<i>бычонок</i> 4 910	

Продолжение таблицы

Наименование животного	Частотность употребления производных				
	-их(а)	-иц(а)	-ух(а)	-онок (-ёнок) / -чонок	-оныш / -ёныш
вол 6 780 000				волёнок 3 700	
жираф 6 610 000	жирафиха 9 830			<i>жирафёнок</i> 152 000	
кабан 6 510 000	<i>кабаниха</i> , Кабаниха 190 000			<i>кабанёнок</i> 10 800	кабанёныш 47
овца 5 200 000				овчонок 1 530	
козел 5 120 000		козлица, Козлица 8 640		<i>козлёнок</i> 886 000	козлёныш 2 350
лама 4 990 000				ламёнок 893	ламёныш 46
мустанг 4 510 000	мустангиха 47				
бегемот 4 310 000	бегемотиха 87 100	бегемотица 2 770		бегемотёнок 759	бегемотёныш 18
верблюд 3 700 000	верблюдица 2 440	<i>верблюдица</i> 79 200		<i>верблюжонок</i> / верблюдёнок 139 000 / 256	
лань 3 230 000				ланёнок 2 080	
жеребец 2 860 000	жеребиха 345	жеребица 4 170			

Продолжение таблицы

Наименование животного	Частотность употребления производных				
	-их(а)	-иц(а)	-ух(а)	-онок (-ёнок) / -чонок	-оныш / -ёныш
бизон 2 610 000	<i>бизониха</i> 3 300			бизонёнок 442	
носорог 2 150 000	носорожиха 2 110				
меринос 2 130 000	мереносиха 61				
вепрь 1 980 000	веприха 358	<i>веприца</i> 1 840		вепрёнок 395	вепрёныш 77
боров 1 740 000					
кобыла 1 680 000		<i>кобылица</i> 252 000		кобылёнок 467	кобылёныш 27
марал 1 670 000				<i>маралёнок</i> 24700	
мул 1 570 000	<i>мулиха</i> 1 780			<i>мулёнок</i> 15 700	
антилопа 1 510 000	антилопиха 8			антилопёнок 91	антилопёныш 5
косуля 1 040 000	косулиха 21			<i>косулёнок</i> 18 000	косулёныш 170
мерин 1 160 000	мериниха 34				

Окончание таблицы

Наименование животного	Частотность употребления производных				
	-их(а)	-иц(а)	-ух(а)	-онок (-ёнок) / -чонок	-оныш / -ёныш
буйвол 1 120 000	буйволиха 360	<i>буйволица</i> 26 300		<i>буйволёнок</i> 10 700	буйволёныш 9
тяжеловоз 1 110 000	тяжеловозиха 155				
серна 677 000	серниха 215			сернёнок 215	
ишак 671 000	ишачиха 2 040	ишачица 44		ишачонок 1 390	
гиппопотам 657 000	гиппопотамиха 12 700	гиппопотамица 4			
сайгак 421 000	сайгачиха 278			<i>сайгачонок</i> 10 100	
рысак 331 000	рысачиха 372			рысачонок 9	рысачоныш 3
архар 279 000	архариха 8	архарица 4		<i>архарёнок</i> 1 290	
джейран 274 000	джейраниха 248			джейранёнок 567	
тапир 225 000	тапириха 379			тапирёнок 332	тапирёныш 26
овцебык 133 000	овцебычиха 51			овцебычонок 103	
изюбр 43 600	<i>изюбриха</i> 3 280	<i>изюбрица</i> 2 490		<i>изюбрёнок</i> 1 730	

Разделим мотивирующие лексемы с высоким индексом на несколько групп.

1. В первой половине таблицы среди мотивирующих существительных более чем с 5 млн упоминаний мы можем обнаружить привычные для носителя русского языка названия домашних (*лошадь, баран, конь, корова, свинья, осёл, коза, бык, овца*) и промысловых (*олень, лось, кабан*) животных, что соотносится с нашим утверждением: «Большой или меньший индекс говорит о том, какое место в сознании русских людей занимает концепт, сформированный данным словом, а вместе с ним и само слово» [Голев, 2006, с. 47].

От мотивирующих этой группы образуются кодифицированные производные с суффиксами женскости и невзрослости, отличающиеся высоким количественным индексом: *олёненок* 1 120 000, *ослица* 271 000, *лосёнок* 215 000, *лосиха* 160 000. Для параллельных некодифицированных наименований характерно меньшее число упоминаний: *олёнёныш* 496, *лосёнёныш* 1 170.

Производные наименования детенышей домашних животных не кодифицированы и менее частотны, чем супплетивные формы, однако обладают достаточно высоким количественным индексом, что свидетельствует об их коммуникативной востребованности. Ср.: *лошадёнок* 13 200 – *жеребёнок* 776 000, *свинёнок* 45 000, *свинёныш* 12 700 – *поросёнок* 3 550 000. Отметим, что в толковых словарях зафиксировано производное *лошонок* в значении «жеребёнок», однако оно обладает меньшим количественным коэффициентом, чем дериват *лошадёнок* (2 000 и 13 200 соответственно). Таким образом, в неформальной интернет-коммуникации мы обнаруживаем производные наименования, мотивированные существительными и мужского, и женского рода и функционирующие наряду с супплетивными образованиями: *баран – овца – баранёнок – овчонок; конь – лошадь – конёнок – лошадёнок; бык – корова – коровёнок – бычонок* (*бычонок* фиксируется словарями); *свинья – свинёнок* (в речи свободно используется для именованья самца существительное *свин*). Ли Ли отмечает, что образование «неодериватов в семьях супплетивного характера соотношения основ говорит об унификации способов обозначения самок детенышей, о выравнивании парадигмы» [Ли Ли, 2020, с. 100].

Проанализируем ряд контекстов употребления не зафиксированных в словарях производных, которые образованы от мотивирующих существительных первой группы.

Дериват *олёнёныш* употребляется как

- псевдоним, имя пользователя (*Оленёныш / Стихи.ру*³);
- зооморфизм (*Но, б..., под чем оленёныш?*⁴);
- название детеныша животного; чаще всего это название иллюстрации, название мультипликационного персонажа, персонажа фильма или игры, название игрушки;
- имя персонажа в пародийном или художественном тексте.

Очень редко встречаются контексты, где *олёнёныш* выступает как наименование реального животного:

Как рассказывает Андрей Погребной, оленёныш родилось в четверг, 1 августа, утром, олениха Олеся справилась сама⁵.

³ <https://stihi.ru/avtor/olenenoch>

⁴ <https://sfw.so/1149028618-avarii-i-dtp-na-dorogah-vesnamay-2013.html>

⁵ http://kremenchug.pl.ua/news/v_kremenchuge_olenikha_olesja_rodila_malysha/2019-08-05-9310

Существительное *конь* называет самого мифологизированного животного в русской культуре, чью прагматическую значимость в быту трудно переоценить. Лексема *конь* способна выступать в роли мотивирующего для производства названий детенышей и самок. Дериват *кониха* в значении «лошадь» мы можем встретить в следующих контекстах.

- В шуточных стихотворениях:

Ходит конь по горочке
Какма какма
А кониха в норочке
Какма какма ⁶.

- Как пример детского словотворчества:

Казалось бы, совсем просто по заданию Нехочухи назвать спутницу слона – слониху, ежа – ежиху. А кота? Коня? Осла? Быка? «Котиха! Кониха! Ослиха! Бычиха!», – отвечали ребята ⁷.

- В забавных рассказах пользователей сети о путешествиях:

Окружили нас, папа – конь, мама – кониха и их малый (не разглядели, кто?! :O))) ⁸.

- В рамках языковой игры:

Мы не знаем полного замысла писателя Ершова про теплоту отношений конька и его наездника, но у мультипликаторов получилась вполне себе кониха-горбуниха ⁹.

Носитель языка осознает ненормативность, нарочитость производного *кониха*. *Конёнок* же в большинстве случаев употребления является либо опечаткой в слове *котёнок* (что объясняет высокую частотность употребления этого слова), либо фамилией. В редких случаях называет детеныша:

/ конёнок-жеребёнок / Лошади и кони / Зелёная группа / ¹⁰.
...как правильно называется детеныш лошади – ЛОШЕНОК или КОНЕНОК ¹¹.

В существительном *свиниха*, которое используется как название лица или животного по характерному признаку, формант *-их(а)* часто имеет сниженную окраску:

Что делать если в школе меня называют свиниха? я вешу всего 50 килограмм, мне 7 лет ¹².

Кроме того, дериват *свиниха* появляется в детской речи.

⁶ <https://blyadov.livejournal.com>

⁷ <https://hcenter-irk.info/foto/ura-u-nas-kanikuly>

⁸ <https://www.drive2.ru/l/10531158/>

⁹ <https://mikhalyovv.livejournal.com/72662.html>

¹⁰ <https://fotokonkurs.ru/photo/31819>

¹¹ <https://otvet.mail.ru/question/39233187>

¹² <https://otvet.mail.ru/question/209468066>

2. Ко второй группе относятся мотивирующие существительные, которые отличает высокий квантитативный индекс (иногда даже выше, чем у мотивирующих из первой группы), но животные, которых они называют, являются для носителя языка экзотическими и для хозяйственной и промышленной деятельности не значимы: *пони* 20 800 000, *газель* 20 400 000, *зебра* 11 800 000, *козерог* 9 310 000, *зубр* 9 100 000, *жираф* 6 610.

Высокая частотность поисковых запросов существительного *пони* обусловлена популярностью медиафраншизы «Май литл пони» (мультсериал, игрушка, музыка). Популярность мультфильма настолько высока, что речь идет о появлении целой субкультуры «Брони», объединяющей поклонников сериала. От существительного *пони* образуется название самки и детеныша, которые не отражены в словарях, но в речи употребляются. Из объявлений о продаже (в этом случае более общим «жеребёнок» не обойтись):

Родился на продажу понёнок...¹³

Квантитативный индекс слова *Пониша* определяется функционированием существительного как имени собственного. *Пониша* же как название самки встречается в редких контекстах, когда требуется указание на пол животного:

А это спит его пониша... Она сначала спала, держась мордой за землю... но потом отключилась полностью, как и их дите на заднем плане...¹⁴

Высокий индекс частотности употребления в речи существительного *газель* объясняется неслучайным совпадением названия животного и марки автомобиля ГАЗель. Более того брендом становятся производные с формантами *-ёнок* и *-ёныш*, что сразу определяет большое число их упоминаний в Интернете: «Газелёнок», «Газелёныш» – фирмы, занимающиеся грузоперевозками. Хотя и в прямом значении оба деривата встречаются в речи:

Бегемот вытащил из пасти крокодила малюсенького детеныша газели. Буквально вырвал. Газелёныш не выжил, раны были слишком глубокие и серьезные¹⁵.

Зебра – одно из самых популярных названий в сфере нейминга. *Зебра* становится именем для кафе, магазинов, сети детских центров, автомойки, торгового центра, отеля, ресторанов, фитнес-клуба, марки обуви. Что касается деривационного потенциала слова *зебра*, то отметим, что это одно из двух существительных в нашем списке (наряду с мотивирующим *олень*), от которого образуются производные по всем представленным в исследовании моделям. Наибольшей частотностью отличается дериват *зебрёнок* 27 300, который также стал брендом: «Зебрёнок» – это портал, посвященный правилам дорожного движения. В сети Интернет можно найти достаточное число контекстов, где *зебрёнок* будет функционировать в значении «детеныш животного»:

Маленький зебрёнок хорошо выделяется на фоне всех остальных зебр, поэтому его окрас не очень хорош для маскировки¹⁶.

¹³ https://thehorses.ru/forum/topic_show.pl?tid=4211

¹⁴ <http://old.pupok.eu/vstr343.html>

¹⁵ <https://foren.germany.ru/animals/f/15104187.html>

¹⁶ Goodnewsanimal.ru

Названия детенышей (и привычных для русского человека, и экзотических) используются для наименования молодых животных, если родовое слово (например, *жеребёнок*) оказывается недостаточным и требуется большая конкретизация.

Производное *зебруха* употребляется исключительно для обозначения профиля пользователя в социальных сетях.

Не меньший потенциал в качестве названия бренда демонстрирует лексема *жираф*: слово служит названием для магазинов, ресторанов, рекламного агентства, гостиницы, турфирмы, детского лагеря, жилого комплекса, игрового центра, центра развития личности, киностудии и др. При этом образованные от него *жирафика* и *жирафёнок* не используются в качестве названий бренда.

Отметим, что более короткое и благозвучное по сравнению с *жирафёнком* производное *жирафик*, имеющее уменьшительно-ласкательный суффикс, становится именем бренда игрушек, магазинов детских товаров, детской одежды, студии раннего развития и др.

Значительный индекс частотности лексемы *козерог* определяется функционированием омонимичного существительного со значением зодиакального созвездия. При этом не самые частотные производные *козерожиха* и *козерожца* употребляются для наименования женщин, рожденных под знаком козерога.

Существительное *зубр* становится брендом производителя инструментов. Этот же фактор объясняет популярность производного *зубрёнок* 615 000: это и сеть стоматологий (бренд строится на созвучии *зуб / зубр*), и название школьной олимпиады (*зубрить / зубр*), и детский лагерь, и спортивная школа. Контекстов, где *зубрёнок* выступал бы как наименование детеныша меньше:

Примечательно, что *зубрёнок* появился на свет под полным контролем врачей¹⁷.

Дериват *зубриха* функционирует исключительно как название самки зубра:

*Зубриха не убежала от браконьеров, потому что охраняла зубрёнка*¹⁸.

Будучи метафорами, названия животных (*газель, зубр*) дают возможность компаниям выходить за рамки своего профиля, расширяя товарные категории, сферу влияния. О. Б. Мангова [2016] указывает на значительный прагматический потенциал зоонимов и их большие перспективы в сфере нейминга. Названия экзотических животных, по мнению исследователя, обладают большей аттрактивностью для детей, что учитывают производители детских товаров: дети любят необычных животных с ярким окрасом, таких как зебра, жираф, животных, которые вызывают трепетное отношение, например пони. Производные со значением невзрослости, отличающиеся высокой частотностью, также используются как имя бренда («Газелёнок», «Зебрёнок», «Зубрёнок»), если они отвечают требованиям благозвучия. Производные со значением женскости в сфере нейминга используются реже, чем наименования невзрослых животных.

3. К третьей группе мотивирующих мы отнесли те существительные, которые заняли первые строчки в нашей таблице – *як* и *тур*. В данном случае квантитивный всплеск объясняется функционированием омонимичных существительных *тур* и *як*, которые невозможно отбросить при использовании поисковых систем Интернета (*тур танца, тур в соревнованиях, тур выборов, ЯК-130, ЯК-42*).

¹⁷ <https://ivbg.ru/8015478-foto-zubrenok-poyavilsya-na-svet-vo-vsevolzhskom-rajone.html>

¹⁸ <http://www.golos.com.ua/rus/article/69154>

Достаточно высокий количественный коэффициент отличает кодифицированные названия детенышей *турёнок* и *ячонок*.

4. Выводы

На развитие деривационного потенциала наименований копытных животных повлиял ряд факторов – как лингвистических, так и экстралингвистических.

Как показало исследование, наиболее частотные производные образуются от существительных с высоким количественным индексом, но только при условии отсутствия супплетивных наименований.

Некодифицированные производные со значением женскости и незрелости, образованные от названий домашних и промысловых животных, несущие прагматическую значимость для носителя русского языка и имеющие параллельные кодифицированные формы или супплетивные образования, часто становятся элементом языковой игры, употребляются в ироничном контексте, используются в детской литературе или в качестве примера детского словотворчества. Именно общеизвестность супплетивной формы или кодифицированного наименования определяет возможность языковой игры.

Высокий количественный индекс названий экзотических животных объясняется их популярностью в сфере нейминга, т. е. культурной значимостью для носителя языка в данный период. Названия нетипичных для русского мира животных, с одной стороны, лишены бытовых ассоциаций, не входят в список наиболее инвектогенных наименований, с другой стороны, они частотны, узнаваемы, а значит, легко концептуализируются и, как следствие, легко запоминаются адресатом и естественным образом «предлагают себя» автору речевых произведений (от имен товаров до элементов образного дискурса).

От лексем, представленных во второй части нашей таблицы, образуются производные менее частотные, за редким исключением (*кобыла* / *кобылица*, *верблюд* / *верблюжонок*). Их количественный индекс исчисляется единицами, десятками, сотнями упоминаний. Количественный индекс больше тысячи имеют кодифицированные названия самок и детенышей.

Проведенное исследование раскрывает взаимосвязь языковой картины мира носителей русского языка и их «словообразовательного поведения» в речевой деятельности. Картину мира определяет прежде всего прагматический фактор, который в первую очередь влияет на употребительность слова в речи, отражаемую в его частотности. Частотность ранжирует лексические единицы по признаку их деривационного потенциала и тем самым дает исследователю надежный инструмент для его изучения.

Список литературы

Араева Л. А. Деривационная активность мотивирующего *зима* (на материале русских народных говоров) // Человек и язык в коммуникативном пространстве. 2013. Т. 4, № 4. С. 227–234.

БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2005.

БТСРЯз – Большой толковый словарь русского языка: Справ. изд. / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2001.

- Васильева Е. В.* Деривационный потенциал, или словообразовательные возможности слова: проблема определения термина // Научный диалог. 2017. № 12. С. 21–34.
- Вендина Т. И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998.
- Голев Н. Д.* Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Изд-во ТГУ, 1989.
- Голев Н. Д.* О возможности Интернета в количественном описании лексической семантики // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты: Материалы I Междунар. науч. конф. / Под ред. Н. Б. Лебедевой. Кемерово, 2006. Вып. 1. С. 41–49.
- Гэн Юаньюань.* Моделирование лексико-деривационного пространства (на материале русской зоолексики): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018.
- Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000.
- Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М., 2006.
- Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение М.: Рус. яз., 1980.
- Зенков Г. С.* Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969.
- Ильина Е. Н., Сабурова Л. В.* Диалектные названия домашних животных как маркеры языковой картины мира // Вестник Череповец. гос. ун-та. 2018. № 4 (85). С. 57–65.
- Кудряшова Р. И., Брысина Е. В.* Названия животных, характеризующихся детскостью, невзрослостью, в донских казачьих говорах // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 46–51.
- Ли Ли.* Бестиарий русского языка: пути заполнения лакун в обозначении самок и детенышей // Изв. Южного федерал. ун-та. Филологические науки. 2020. № 3. С. 93–102.
- Мангова О. Б.* Зоонимы в нейминге: прагматический и когнитивный аспекты // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики: Материалы II Междунар. науч. конф. 2016. С. 142–146.
- Моисеев А. И.* Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке: Учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
- Осадчий М. А.* Однокоренная лексика русских народных говоров. М.: Издательство ЛКИ, 2009.
- Проскурина А. В.* Система антропоцентрической организации словообразовательного типа // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2012. № 4–4 (52). С. 99–103.
- Радбиль Т. Б.* Основы изучения языкового менталитета: Учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2016.
- РОС – Русский орфографический словарь / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Азбуковник, 1999.
- Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Ч. 1.
- СРЯз – Современный русский язык. Морфология: Учеб. пособие для высших учебных заведений / Под ред. В. В. Виноградова. М., 1952.
- Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
- Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 1990.

Ульянова О. А. Словообразовательный словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013.

Яценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979.

References

Araeva L. A. Derivatsionnaya aktivnost' motiviruyushchego zima (na materiale russkikh narodnykh govorov) [Motivational activity of motivating language (based on the material of Russian folk dialects)]. In: *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: Sb. nauchn. st.* [Man and language in the communicative space: a coll. of sci. art.]. 2013, vol. 4, no. 4, pp. 227–234.

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy [Large explanatory dictionary of Russian nouns: ideographic description. Synonyms. Antonymy]. L. G. Babenko (Ed.). Moscow, 2005.

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: Sprav. izd. [Large explanatory dictionary of the Russian language: Ref. ed.]. S. A. Kuznetsov (Ed. in ch.). St. Petersburg, 2001.

Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation.]. Moscow, Rus. yaz., 2000.

Efremova T. F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 3 t.* [Modern dictionary of the Russian language: In 3 vols]. Moscow, 2006.

Gen Yuan'uan'. *Modelirovanie leksiko-derivatsionnogo prostranstva (na materiale russkoy zooleksiki)* [Modeling of lexical-derivational space (based on the material of Russian zoolexics)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Ekaterinburg, 2018.

Golev N. D. *Dinamicheskyy aspekt leksicheskoy motivatsii* [Dynamic aspect of lexical motivation]. Tomsk, TSU Publ. H., 1989.

Golev N. D. O vozmozhnosti Interneta v kolichestvennom opisani leksicheskoy semantiki [On the possibility of the Internet in the quantitative description of lexical semantics]. In: *Slavyanskaya filologiya: issledovatel'skiy i metodicheskyy aspekty: Materialy 1 Mezhdunar. nauch. konf.* [Slavic Philology: Research and methodological aspects: Materials of the 1 Intern. Sci. Conf.]. N. B. Lebedeva (Ed.). Kemerovo, 2006, iss. 16, pp. 41–49.

Il'ina E. N., Saburova L. V. Dialektnye nazvaniya domashnikh zhivotnykh kak markery yazykovoy kartiny mira [Dialect names of Pets as markers of the language picture of the world]. *Cherepovets State University Bulletin*. 2018, no. 4 (85), pp. 57–65.

Kudryashova R. I., Brysina E. V. Nazvaniya zhivotnykh, harakterizuyushchihsya detskost'yu, nevrostlost'yu, v donskikh kazach'ih govorah [Names of animals characterized by childishness, non-adulthood, in Don Cossack dialects]. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*. 2015, vol. 15, iss. 3, pp. 46–51.

Li Li. Bestiary russkogo yazyka: puti zapolneniya lakun v oboznachenii samok i detenyshy [Bestiary of the Russian language: ways to fill in the gaps in the designation of females and cubs]. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 2020, no. 3, pp. 93–102.

Mangova O. B. Zoonimy v neyminge: pragmaticheskyy i kognitivnyy aspekty [Zoonyms in naming: pragmatic and cognitive aspects]. In: *Sovremennyye problemy yazykoznaneya, literaturovedeniya, mezhkul'turnoy kommunikatsii i lingvodidaktiki: Materialy 2 Mezhdunar. nauch. konf.* [Modern problems of linguistics, literary studies, intercultur-

al communication and linguodidactics: materials of the 2 Intern. Sci. Conf.]. 2016, pp. 142–146.

Moiseev A. I. *Osnovnye voprosy slovoobrazovaniya v sovremennom russkom literaturnom yazyke: Ucheb. posobie* [The main issues of word formation in the modern Russian literary language: a textbook]. Leningrad, LSU Publ. H., 1987.

Osadchiy M. A. *Odnokorennaya leksika russkikh narodnykh govorov* [The same-root vocabulary of Russian folk dialects]. Moscow, LKI Publ., 2009.

Proskurina A. V. Sistema antropotsentricheskoy organizatsii slovoobrazovatel'nogo tipa [Anthropocentric System of derivational organization type]. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2012, no. 4–4 (52), pp. 99–103.

Radbil' T. B. *Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta: Ucheb. posobie* [Fundamentals of studying the language mentality]. Moscow, FLINTA, 2016.

Russkaya grammatika [Russian grammar]. Moscow, Nauka, 1980, pt. 1.

Russkiy orfograficheskiy slovar' [Russian spelling dictionary]. The V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS. Moscow, Azbukovnik, 1999.

Sossyur F. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on linguistics]. Moscow, 1977.

Sovremennyy russkiy yazyk. Morfologiya: Ucheb. posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy [Modern Russian language. Morphology: a textbook for higher educational institutions]. V. V. Vinogradov (Ed.). Moscow, 1952.

Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: V 2 t.* [Word-forming dictionary of the Russian language: in 2 vols]. Moscow, Rus. yaz., 1990.

Ul'yanova O. A. *Slovoobrazovatel'nyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Word-formation dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Adelant, 2013.

Vasil'eva E. V. Derivatsionnyy potentsial, ili slovoobrazovatel'nye vozmozhnosti slova: problema opredeleniya termina [Derivational potential, or word-forming possibilities of the word: the problem of defining the term]. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*. 2017, no. 12, pp. 21–34.

Vendina T. I. *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian language picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)]. Moscow, Indrik, 1998.

Yanceneckaya M. N. *Semanticheskie voprosy teorii slovoobrazovaniya* [Semantic questions of the theory of word formation]. Tomsk, TSU Publ., 1979.

Zaliznyak A. A. *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [Grammatical dictionary of the Russian language. Inflection]. Moscow, Rus. yaz., 1980.

Zenkov G. S. *Voprosy teorii slovoobrazovaniya* [Questions of the theory of word formation]. Frunze, 1969.

Сведения об авторах

Голев Николай Данилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

ngolevd@mail.ru

ORCID 0000-0002-0559-3007

Фаломкина Ирина Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

falomkina@mail.ru

ORCID 0000-0001-7382-0163

Information about the authors

Nikolay D. Golev – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian language and literature at Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

ngolevd@mail.ru

ORCID 0000-0002-0559-3007

Irina P. Falomkina – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian language and literature at Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

falomkina@mail.ru

ORCID 0000-0001-7382-0163